
ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ТУНИСЕ И ЕГИПТЕ ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

М.А. Сапронова

Кафедра востоковедения
МГИМО (У) МИД РОССИИ
пр. Вернадского, 76, Москва, 119454

В статье анализируются положения новых конституций Египта и Туниса, принятых после потрясений «арабской весны», которые восстанавливают конституционные государственные институты в этих странах. Особое внимание уделено новым конституционным положениям, меняющим характер государственного строя и политического режима, а также вопросам закрепления ислама и шариата в Основном законе страны.

Ключевые слова: конституционное строительство, ислам, Тунис, Египет.

2011 год навсегда войдет в историю как год «арабской весны». Волнения, начавшиеся в Тунисе, охватили почти весь Арабский Восток и ввели его в состояние нарастающей нестабильности, последствия которой вышли далеко за рамки региона.

Спустя три года после этих событий стало очевидно, что, несмотря на наличие общих моментов, каждая страна в дальнейшем начала политическое движение в соответствии со своей собственной логикой. В Египте пошел процесс быстрого восстановления конституционных институтов, гарантом которого выступила армия, фактически приведшая к власти исламские партии, но затем решившая эту власть вернуть себе.

Идея о том, что египетская конституция требует кардинальных изменений появилась сразу же после народных волнений в январе 2011 г., однако спешка, с которой разрабатывалась новая конституция, вынесенная на всенародный референдум 2012 г., была не совсем оправданной. Основным законом государства — документ длительного действия, поэтому он должен отражать не буквальные итоги выборов, а неизменные политические принципы и механизмы осуществления государственной власти, являясь итогом усилий всего общества, символом национального согласия. А это означает, что процедура принятия Основного закона должна быть полностью легитимной и неоспоримой, к началу конституционного процесса все политические проблемы должны быть решены, а общество должно прийти к определенному консенсусу. В условиях продолжавшейся революционной нестабильности, когда баланс политических сил постоянно менялся, выполнить это условие было трудно. Конституционная комиссия, разрабатывавшая конституцию 2012 г., считалась нелегитимной из-за отсутствия в ней представителей оппозиционного (светского) лагеря, поэтому результаты ее работы были оспорены. Сам конституционный текст преследовал основную цель — укрепить позиции главы государства, поэтому содержал в себе много противоречивых положений [4]. Очередная смена власти в Египте произошла в июне 2013 г., за ней последовало принятие новой конституции, которая вступила в силу в январе 2014 г.

Конституция любой страны — это важнейший правовой акт государства, в котором закрепляется фундамент общественного и государственного строя и фиксируются те изменения, которые происходят в обществе под воздействием внутренних и внешних факторов. Постоянно повторяющиеся воздействия общества на законодательство и обратное его влияние на общество являются основой формирования, развития и функционирования правовых норм. Законодательство есть не механическое копирование соответствующего, объективно существующего общественного отношения, а результат «субъективной деятельности законодателя, создающего образ данного отношения — законодательное установление» [2. С. 33], иными словами — осмысленное законодателем правовое предписание или правообязывающее задание на конкретно определенный промежуток времени. Такое «привнесение» в регулируемые общественные отношения субъективных моментов, исходящих от законодателя, свидетельствует о творческом характере деятельности, создающей новые правовые нормы.

Именно фактор законодателя сыграл свою решающую роль в Египте, когда на всенародном референдуме была принята конституция, сразу получившая название исламистской и вызвавшая волну протестов и демонстраций, хотя новый Основной закон не менял по существу форму правления в стране, которая оставалась республикой смешанного типа (президентско-парламентской) с довольно широкими полномочиями главы государства. Интересными в этой конституции [6] были несколько моментов. Преамбула провозглашала основные принципы египетского государства, которые представляли собой смесь из набора демократических и исламских постулатов (так, например, провозглашался «суверенитет народа — единственного источника всех властей», одновременно свобода граждан трактовалась как «дарованная Аллахом», и вся система прав и свобод рассматривалась как заповеди Аллаха, а не абсолютное право человека). Статья 4 конституции закрепляла право толкования всех вопросов, связанных с шариатом, за мечетью и университетом Аль-Азхар, который провозглашается «независимым исламским институтом, автономным в своих действиях». При этом должность шейха Аль-Азхара объявлялась независимой и не могла быть ликвидирована. Конституция закрепляла принцип консультативности («шурь») как базовый принцип демократии, а христианским и иудейским общинам предоставила возможность регулировать их личный статус и религиозные вопросы в соответствии с установками их религиозных систем (что напоминало статус «зиммиев» — покровительствуемых меньшинств, проживающих в мусульманской империи).

Такого рода положения, закрепленные в конституции Египта 2012 г., задуманы были законодателем как возможная основа для построения исламского государства, однако возникает множество противоречий в реализации их на практике. Вопросы устройства государства всегда стояли перед мусульманскими богословами, историками, юристами и философами и связаны были, прежде всего, с тем, что ислам на протяжении своего многовекового развития так и не смог выработать четкие нормативные представления, соотносящиеся с вопросами политики, государства и управления, а также с нормативными взаимоотношениями между государством и личностью. Новая египетская конституция, ставшая итогом

недолгой политической и юридической деятельности победившей на выборах Партии свободы и справедливости, стала ярким отражением той сложной и комплексной проблемы, которая стоит в настоящее время перед мусульманской правовой мыслью, а именно: как совместить законы шариата с принципами демократии и международными стандартами.

Принятие такого рода конституции стало возможным в Египте в силу того, что она разрабатывалась уже после победы исламской партии на выборах и Конституционная ассамблея состояла, в основном, из сторонников исламистов.

Опыт политического развития Египта 2011—2013 гг. четко показал, что для политического процесса и его результатов крайне важным является последовательность формирования правового поля и конституционных институтов. В ходе так называемого первого переходного периода военные не смогли жестко очертить рамки политического процесса и провели сначала парламентские выборы, затем — президентские, и только после этого конституция была утверждена на референдуме, хотя было ясно, что этот документ (в силу наличия уже официально действовавших государственных институтов) разработан под конкретную политическую силу, контролировавшую исполнительную и законодательную власть.

Военные учли эти уроки, и в ходе «второго переходного периода» сначала была разработана новая конституция, и только затем началась подготовка к электоральному процессу, который еще не завершен.

Правовая система любой страны находится в тесном взаимодействии и взаимовлиянии со многими общественными явлениями, которые эту систему формируют. Среди факторов, оказывающих заметное влияние на правовые основы общества, первостепенное значение имеет и историческая преемственность, для которой характерно определенное соотношение в разрушении старых элементов и восприятии новых, а также не столько восприятие формы отдельных элементов, сколько их сущностное содержание. Для Египта такой исторической традицией стала армия, влияние которой на политическую жизнь всегда было довольно ощутимо, хотя конституции республиканского периода последовательно устанавливали «девоенизацию» режима (конституция 1964 г. провозгласила парламентскую республику [1. С. 71]).

Казалось, армия ушла в тень после избрания нового президента М. Мурси и принятия исламистской конституции, которая «отправила армию в казармы», однако следующий Основной закон вернул армии ее традиционные функции в политической жизни страны и даже усилил ее позиции. Конституция 2014 г. [7] закрепила новое соотношение политических сил в стране (а именно — победу военных над исламистами) и определила политико-юридические и идеологические рамки ее дальнейшего развития.

Конституция провозглашает построение «современного демократического государства с гражданским правительством», однако ее отличительной чертой является то, что она делает военное ведомство фактически автономным институтом, предоставляя ему возможность влиять на политический процесс. Так, военная юстиция может подвергать судопроизводству гражданские лица, если их действия

представляют прямую угрозу военным учреждениям и их деятельности, военным или приграничным зонам, их оборудованию, оружию, амуниции, документации, содержащей военные секреты, военным фондам, а также персоналу вооруженных сил при выполнении ими своих обязанностей. Важно подчеркнуть, что военная юстиция может рассматривать и преступления, носящие коррупционный характер. Совершенно очевидно, что в таком виде эта статья может иметь очень широкое правоприменение на практике. В соответствии с конституцией вооруженные силы теперь имеют свой собственный бюджет. Еще одна статья представляется крайне важной в силу того, что подобного рода положение впервые появляется не только в Конституции Египта, но и в конституционном праве арабских стран. Речь идет о Высшем совете вооруженных сил (ВСВС) — внеконституционной структуре, представленной военными, которая, совершив военный переворот, в течение определенного времени выполняла функции законодательной и исполнительной власти.

В статье 200 Конституции Египта провозглашается, что вооруженные силы страны имеют свой Высший совет, деятельность и полномочия которого будут регулироваться законом. Это означает, что данная структура вооруженных сил является конституционным (!) органом и, в соответствии с законом, видимо, будет иметь определенные полномочия, связанные не только с вооруженными силами (т.к. этими вопросами занимаются Национальный совет обороны, Национальный совет безопасности и Министерство обороны), но и с политическим процессом. В соответствии со статьей 234 министр обороны будет назначаться с одобрения Высшего совета вооруженных сил в течение двух президентских сроков (т.е. 8 лет) с момента вступления конституции в силу. Это означает, что данная структура уже принимает реальное участие не только в политической жизни, но и в государственном строительстве. При этом именно министр обороны является главнокомандующим вооруженными силами Египта и назначается из офицерского состава.

Как именно будет прописана роль Высшего совета вооруженных сил в текущем законодательстве, пока неясно, во всяком случае, аналогов такого рода законам нет.

Что касается статей, конституционно закрепляющих ислам, которые вызвали наибольшее возмущение в предыдущей конституции, то следует отметить, что статья о шариате как основном источнике законодательства вернулась в документ в том виде, в каком она была в конституции 1971 г.

Придание шариату статуса основного источника законодательства в качестве конституционного принципа, с одной стороны, приобретает особый смысл, если учесть основополагающее значение норм государственного права для других отраслей. Поэтому данное положение играет роль той правовой основы, которая обеспечивает распространение влияния мусульманского права на всю правовую систему. Но, с другой стороны, провозглашение шариата источником законодательства в Египте вовсе не означало, что вся правовая система страны развивалась в этом направлении.

Появилась в конституции статья 3, которая выводит из-под юрисдикции шариата в вопросах личного статуса христианские и иудейские общины, предостав-

ляя им право решать спорные вопросы в соответствии со своими законами. Что касается христиан, то в конституции появилось интересное положение о том, что в свой первый законодательный срок палата представителей должна принять закон, предусматривающий строительство и обновление христианских церквей и гарантирующий христианам свободу отправления религиозных культов. Таким образом законодатель конституционно пытается гарантировать права и свободы конфессионального меньшинства.

Важно и то, что все спорные вопросы, связанные с исламом и шариатом, снова передаются в ведение Верховного конституционного суда, а не университету Аль-Азхар, который ранее был провозглашен «независимым исламским институтом, автономным в своих действиях». Такого положения об исламском университете больше нет, зато должность шейха Аль-Азхара по-прежнему является «независимой и не может быть ликвидирована».

Статья 74 теперь запрещает создавать политические партии или осуществлять политическую деятельность на основе религии, что, естественно, выводит исламские партии, которые не поменяют свои названия, уставы и программы, за рамки политического процесса.

Обозначая очень большой круг прав и свобод граждан, конституция Египта, как и раньше, не закрепляет приоритет норм международного права, хотя преамбула гарантирует соответствие системы прав и свобод граждан Всеобщей декларации прав человека, а также не закрепляет фундаментального права человека — права на жизнь. Это означает, что у Египта не будет никаких юридических обязательств по этим вопросам в рамках международного права.

В целом, на ближайшую перспективу, как минимум, на восемь лет, замысел законодателя понятен: либо армия сама будет стоять у власти, либо она будет определять того, кто будет этим заниматься, а конституционные нормы, в свою очередь, создадут юридическую основу для стабилизации политической ситуации, за которую будут отвечать военные.

С другой стороны, жесткая президентская форма правления в Египте, по-видимому, себя исчерпала. Свержение режима Х. Мубарака показало, что эта модель, как ассоциирующаяся с диктатурой, отвергается обществом. В то же время с учетом многовековых исторических традиций Египет трудно представить себе и парламентской республикой европейского типа. Политические традиции и склад ментальности в арабском обществе отличаются крайней живучестью.

Сможет ли новая египетская конституция реализовать все заложенные в ней правовые принципы и чаяния египетского народа — покажет время. Ясно, что многие положения, заложенные в новом Основном законе, рассчитаны на их будущее применение при создании определенных политических условий. Однако, опережая развитие политической ситуации, правовые нормы могут способствовать осуществлению новых общественных отношений, при этом предотвращая или тормозя развитие негативных процессов. Система правовых категорий может оказаться действенной лишь в том случае, если она не просто пассивно отражает реальность, но и, что не менее важно, старается с опережением ее преобразовывать,

направлять развитие существующих общественных отношений в наиболее благоприятное для общества русло. В этом смысле новая египетская конституция действительно создает фундамент для новых общественных отношений.

Что касается тунисской конституции [8], то ее разработка началась еще в октябре 2011 г., и над конституционным проектом работало шесть комиссий, представляющих политические партии, — пропорционально их представительству в парламенте. В ходе разработки новой конституции Национальная конституционная ассамблея вела дебаты и проводила голосование по каждой отдельной статье. 26 ноября 2013 г. депутаты Национального собрания большинством в 200 голосов (из 216) проголосовали за принятие новой конституции. Результаты голосования означали, что в соответствии с конституцией референдум проводиться не будет, т.к. новый Основной закон утвержден законодательным органом большинством в $\frac{2}{3}$ голосов.

Спикер тунисского парламента Мустафа бен Джаффар охарактеризовал эту конституцию как результат консенсуса, который поможет в дальнейшем построить демократическое государство, основанное на праве и равенстве [5]. Президент страны Монсеф Марзуки на церемонии подписания документа заявил, что принятие Основного закона является победой над диктатурой, а эффективный национальный диалог позволил стране поддержать курс на демократический переход. С этим вполне можно согласиться, если учитывать тот факт, что конституция любой страны закрепляет, прежде всего, новое соотношение политических сил. В отличие от новой конституции Египта, закрепившей победу военных над исламистами, новый Основной закон Туниса закрепил итоги национального диалога и тот консенсус, который был достигнут между исламскими и светскими политическими партиями. При этом документ не потерял своих исторических достижений и традиционных ценностей, хотя текст конституции увеличился почти в два раза (с 78 до 146 статей).

Первая статья, гласящая, что «Тунис — свободное, независимое и суверенное государство; его религия — ислам, язык — арабский, государственный строй — республика», теперь дополнена положением о том, что «эта статья не может быть изменена». То же положение относится и ко второй статье, в соответствии с которой Тунис является гражданским государством, основанным на «воле народа и верховенстве права».

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что Тунис еще раз подтвердил свою роль флагмана в отношении защиты и реализации прав женщин во всех областях, подняв их на конституционный уровень. В отличие от предыдущей конституции, где полностью отсутствовала глава о правах и свободах, новая конституция содержит целую главу «Права и свободы», состоящую из 29 статей. Государство гарантирует гражданам, мужчинам и женщинам, индивидуальные и коллективные права и обеспечивает условия для достойной жизни. Статья 45 еще более укрепляет положение женщины в обществе и гарантирует защиту, поддержку и дальнейшее развитие «достигнутых женщинами прав», равное представительство в избираемых органах власти.

Впервые появилась статья, гарантирующая свободу создания политических партий, союзов и ассоциаций. При этом нет никакого запрета на деятельность партии по конфессиональному принципу, отмечается лишь, что партии в своих уставах и деятельности «должны соблюдать конституцию и законы, отвергать насилие», а их финансовая деятельность должна быть прозрачной.

Интересной является статья 59, носящая, скорее, политический характер и закрепляющая положение, по которому оппозиция является «неотъемлемой частью палаты депутатов» и обладает всеми правами, которые предоставляют ей возможность выполнять свои парламентские функции. Более того, конституция гарантирует оппозиции представительство в парламентских комитетах, а также в руководстве Комитета по финансам. Оппозиция может также ежегодно принимать участие в формировании и руководстве Комитета по расследованию, внося таким образом «активный и конструктивный вклад в работу парламента».

Этой статьей тунисская конституция закрепила итоги национального диалога, начатого в конце прошлого года между исламистами и светской оппозицией, когда достигнув консенсуса в рамках «рабочей карты» президент Туниса Монсеф Марзуки поручил экс-министру промышленности Махди Джомая сформировать непартийное правительство, состоящее из профессионалов, которое должно было заменить предыдущее правительство, где преобладали исламисты. Таким образом была предотвращена дальнейшая дестабилизация политической ситуации.

Определенным изменениям подверглись статьи, регламентирующие взаимоотношения органов государственной власти. Ключевой и самый сложный вопрос, стоявший на повестке дня конституционной реформы, был решен в пользу смешанной республики, когда исполнительная власть делится между избираемым президентом и премьер-министром, назначаемым парламентом.

В соответствии с предыдущей конституцией Тунис был президентской республикой, характерной чертой которой являлась легализация личной власти и сильная централизация государственного управления. Исполнительная власть была фактически независима от законодательной, а президент наделялся огромными полномочиями.

Решение этого принципиального вопроса предопределило и другие положения конституции, касающиеся государственного управления, а именно: формирование и подотчетность правительства, законодательная инициатива, принятие государственного бюджета, вопросы безопасности, пересмотр конституции.

Еще одним сложным вопросом конституционной реформы, на котором сосредоточилось тунисское общество, был вопрос о закреплении шариата в Основном законе страны. Однако в этом отношении Тунис остался верен своим историческим секулярным традициям. Ислам провозглашается государственной религией, при этом гарантируется свобода вероисповедания, совести и отправления религиозных культов (статья 6). Интересно положение этой статьи о том, что государство нацелено на исключение из религиозной практики «такфира» (обвинения в неверии). Совершенно очевидно, что этим положением государство обозначает свое намерение бороться с экстремизмом не только в политической сфере, но и в религиозной практике.

Более того, Тунис становится одним из немногих арабских государств, которые закрепляют приоритет международных договоров, одобренных и ратифицированных палатой депутатов, над внутренним законодательством (статья 19).

Таким образом, положения новой конституции Туниса позволяют сделать вывод о том, что страна, которая в течение многих десятилетий представляла собой суперпрезидентскую республику, начала трансформацию своей политической системы с существенным перераспределением полномочий в пользу законодательной власти и правительства. При этом правовой статус личности непосредственно не связан с конституционным укреплением курса государства на внедрение в повседневную жизнь исламских норм. Напротив, конституция расширяет юридические рамки для реализации в полном объеме демократических прав и свобод граждан.

Основным звеном национальной правовой системы любого государства является конституция страны, формирующая рамки, в которых протекают политический и законотворческий процессы. Эти рамки зачастую могут быть чисто формальными, однако только внутри них возможно сосуществование различных политических течений, взглядов, этноконфессиональных и клановых интересов, порой совершенно противоположных, выразителями которых являются различные социальные слои и отдельные группы общества. Фиксируя рамки законотворческого и политического процесса, общество посредством конституции пытается определить свои сущностные характеристики и на этой основе представить миру определенный, свойственный только этому обществу и единственный в своем роде образ.

В этом смысле и Египет, и Тунис конституционно подтвердили свои исторические традиции. При этом Тунис смог интерпретировать демократические явления и ввести их в национальное законодательство путем компромисса между различными социально-политическими общественными группами; в Египте военные по-своему интерпретируют нормы демократии, т.к. не смогли найти новые формы конструкции разрозненного египетского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Дадиани Л.Я.* Государственный строй Объединенной Арабской Республики. — М.: Юридическая литература, 1967.
- [2] *Керимов Д.А.* Проблемы общей теории права и государства: В 3 т. Т. 2. Философия права. — М.: Современный гуманитарный университет, 2002.
- [3] Конституции государств Азии: Т. 1 / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: НОРМА, 2010.
- [4] *Сапронова М.А.* Яблоко египетского раздора: новая «исламистская» конституция 2012 года // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16237#more-16237>.
- [5] *Субботин И.* Парламент Туниса проголосовал за демократическую конституцию // Московский комсомолец. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2014/01/27/975966-parlament-tunisa-progolosoval-za-demokraticheskuyu-konstitutsiyu.html>.
- [6] Constitution of the Arab Republic of Egypt 2012. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/egypt-s-draft-constitution-translated>.
- [7] Constitution of the Arab Republic of Egypt 2014. URL: <http://www.sis.gov.eg/Newvr/Dustoren001.pdf>.
- [8] Constitution de Tunisie 2014. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/tn2014.htm>.

FEATURES OF CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT IN TUNISIA AND EGYPT AFTER “ARAB SPRING”

M.A. Sapronova

Department of Oriental Studies
Moscow State Institute of International Relations
Vernadsky prospect, 76, Moscow, Russia, 119454

The article analyses regulation of new constitutions of Tunisia and Egypt adopted after shocks of the «Arab spring», which restore constitutional state institutions of these countries. Special attention is devoted to new constitutional regulation, which change the character of the state system and the political regime as well as to problem to secure Islam and Shariat at basic laws of these countries.

Key words: constitutional making, Islam, Tunisia, Egypt.

REFERENCES

- [1] *Dadiani L.Ya.* Gosudarstvennyy stroy Ob'edinennoy Arabskoy Respubliki. — Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1967.
- [2] *Kerimov D.A.* Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva: in 3 parts. T. 2. Filosofiya prava. — Moscow: Sovremennyy gumanitarnyy universitet, 2002.
- [3] *Konstitutsii gosudarstv Azii: T. 1* / edited by T.Ya. Khabrievoy. Moscow: NORMA, 2010.
- [4] *Sapronova M.A.* Yabloko egipetskogo razdora: novaya «islamistskaya» konstitutsiya 2012 goda // Institut Blizhnego Vostoka. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16237#more-16237>.
- [5] *Subbotin I.* Parlament Tunisa progolosoval za demokraticeskuyu konstitutsiyu // Moskovskiy komsomolets. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2014/01/27/975966-parlament-tunisa-progolosoval-za-demokraticeskuyu-konstitutsiyu.html>.
- [6] Constitution of the Arab Republic of Egypt 2012. URL: <http://www.egyptindependent.com/news/egypt-s-draft-constitution-translated>.
- [7] Constitution of the Arab Republic of Egypt 2014. URL: <http://www.sis.gov.eg/Newvr/Dustoren001.pdf>.
- [8] Constitution de Tunisie 2014. URL: <http://mjp.univ-perp.fr/constit/tn2014.htm>.